

Беляева Ирина Васильевна

ФЕНОМЕН МАНИПУЛЯЦИИ И ЕГО РАЗНОУРОВНЕВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

В статье рассматриваются способы вербализации манипулятивного воздействия и высказывается идея о разноуровневом (от словообразовательных средств и лексических единиц до высказывания и текста) воплощении феномена вербальной манипуляции, анализируются типичные для русской лингвокультуры приемы словесной манипуляции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 25-28. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., доц. Куликовой Э. Г. и д.ф.н. Китаниной Э. А.

В статье рассматриваются способы вербализации манипулятивного воздействия и высказывается идея о разноуровневом (от словообразовательных средств и лексических единиц до высказывания и текста) воплощении феномена вербальной манипуляции, анализируются типичные для русской лингвокультуры приемы словесной манипуляции.

Как известно, понятие манипуляции этимологически соотносится с латинским *manus* - 'рука' и связано с представлением о ловких движениях рук. В исходном значении *манипуляция* толкуется как 'обращение с объектами с определенными целями'; в переносном значении - как 'ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами'. В толковых словарях переносное значение нередко снабжается пометами «негат.», «неодобр.» или «пренебр.») Метафоричность понятия складывалась постепенно, причем важным этапом было обозначение этим словом действий фокусников, искусство которых основано на знании человеческого восприятия и - шире - на знании психологии человека. Под влиянием этого образа о манипуляции стали говорить как о психологическом воздействии, которое, во-первых, производится скрытно (объектом не должны быть замечены ни сам факт воздействия, ни его направленность), во-вторых - осуществляется с применением мастерства и знаний (особых технологий), в-третьих - имеет своей целью внушение реципиенту полезных для отправителя речи идей и эмоций («односторонний выигрыш»). К критериям манипуляции относят и «мотивационное привнесение», то есть формирование «искусственных» потребностей и мотивов для изменения поведения в интересах инициатора манипулятивного воздействия. Сегодня феномен манипуляции привлекает пристальное внимание социологов, политологов и психологов. Само понятие *манипуляция* в эпоху, когда в полной мере осознана роль коммуникативных технологий для достижения самых разноплановых целей, стало одним из самых актуальных. Ср.: «Со стороны манипулятивная риторика выглядит как сладостная возможность охмурять миллионы людей и вести их за собой куда угодно, подобно Крысолову из немецкого фольклора. В том, что такая возможность не выдумка, убеждают тоталитарные режимы двадцатого века. Миллионы людей действовали вопреки своей выгоде, проявляя и редкую жертвенность, и редкую жестокость... Так каких же результатов можно добиться, если взяться за манипулирование с должной подготовкой и современными средствами тиражирования информации - от какой мысль кружит головы...» [Хазаров 2006: 11].

Одновременно сформировалось стойкое убеждение, что феномен манипуляции необходимо изучать и описывать, причем даже на уровне словарей. Так, В. Д. Девкин [2001: 86-87] в статье, обращающей внимание на актуальные, но еще не созданные типы словарных изданий, пишет: «Интересны для прагмалингвистики, но очень сложны для составления словаря МАНИПУЛЯТИВНЫХ (выделено автором) речевых техник, типовых конструкций осуществления разных типов обмана, введения в заблуждение, моделей лицемерных, ханжеских высказываний и т.п.». Действительно, лингвистическая (речевая) составляющая манипуляции исследована гораздо меньше, чем психологическая, хотя речевое воздействие (разумеется - во взаимодействии с психологическим) - это один из самых распространенных видов манипуляции, и необходимы коллективные усилия лингвистов для фиксации (в том числе и на уровне лексикографии) приемов речевого манипулирования. Знания об инструментариях манипуляции необходимы для распознавания манипулятивных техник и для формирования способов защиты от них.

Недостаточная разработанность самого понятия - речевое манипулирование - связана с тем, что долгое время важнейшими функциями языка признавались только коммуникативная и когнитивная (мыслительная, познавательная). То, что язык имеет немало иных существенных функций, связанных с речевой деятельностью, стало очевидным сравнительно недавно. В рамках коммуникативной функции уже невозможно рассматривать, например, фатическое общение, и в современных пособиях по языкознанию выделяется особая - фатическая (контактоустанавливающая) - функция языка. Поскольку информация в речевом акте может быть менее значимой, чем собственно воздействие на реципиента (либо информация может выступать прежде всего как средство или форма воздействия на адресата речи), логично выделять отдельную функцию языка - функцию воздействия.

Как правило, различаются три вида словесного воздействия: приказ, манипулирование и убеждение. Первый и третий виды объединены тем, что воздействуют на логическую сферу человеческого сознания: и приказ, и убеждение должны быть ясными, конкретными, логически прозрачными; манипуляция же воздействует исключительно на воображение и не выдерживает логического анализа. Наиболее полноценный вид речевого воздействия это, безусловно, убеждение (однако это не исключает широкого распространения манипулятивных техник и манипулятивной риторики).

Итак, манипуляция есть разновидность воздействия. Чаще всего ее называют психическим воздействием, которое производится тайно, следовательно, в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Речевая манипуляция - это использование особенностей языка с целью скрытого воздействия на адресата, это «использование скрытых возможностей языка для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, отношении к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающее с тем, какое слушающий мог бы сформировать самостоятельно» [Рядчикова 2006: 299].

Таким образом, о манипулировании говорят тогда, когда поведение, на обеспечение которого оно направлено, представляется противоречащим интересам объекта речевого воздействия. То есть, при сопоставлении честного аргументативного речевого воздействия на партнера и манипуляции им, бросается в глаза следующее: манипулируемый, при нормальном ходе событий, скорее всего не будет вести себя так, как желательно манипулятору.

О языковом (речевом) манипулировании правомерно говорить тогда, когда инструментом манипуляции выступает то, что называется значимым варьированием, то есть выбор из множества возможных языковых средств описания некоторого положения дел именно тех средств, которые несут в себе необходимые говорящему (манипулятору) оттенки значения, ассоциации и вызывает соответствующий эмоциональный отклик у реципиента.

Различают активную и пассивную формы манипулирования. Тактика замалчивания - это пассивная (или мягкая) форма манипулирования. Деление это, конечно, относительно и условно, потому что утаивание информации и замалчивание правды есть разновидность лжи. К активным формам манипуляции можно отнести известные со времен античности уловки типа подмены тезиса (случай, когда говорящий в процессе рассуждения намеренно доказывает положение, отличное от того, которое было им предъявлено) или квезииции (некорректно сформулированного вопроса; ср.: *Давно ли Вы поняли, что кофе «Чибо» - Ваш любимый сорт кофе?* Вопрос задан так, как будто заранее известно о любви адресата именно к этому сорту. Или ср.: *Давно ли Вы перестали избивать своих соседей?* Вопрос сформулирован так, что, независимо от положительного или отрицательного ответа, непременно дискредитирует отвечающего).

Как писал (с известной долей иронии) Х. Вайнрих [1987: 46], «языковая ложь, если понимать вещи буквально, - это большинство таких риторических фигур, как эвфемизмы, гиперболы, эллипсис, двусмысленности, виды и формулы вежливости, эмфаза, ирония, слова-табу, антропоморфизмы и т.д. Для истины в языке остается только узенькая улочка. Это, как можно предположить, простое повествовательное предложение, так любимое логикой». Действительно, манипулятивные техники опираются на все ярусы (уровни) языковой системы, но, прежде всего - на сферу лексики. Манипуляторы тщательно избегают использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании и заменяют их эвфемизмами, нередко - иноязычными: вместо *беженцы* - *временно перемещенные лица*, вместо *наемный убийца* - *киллер*. Лингвистический смысл эвфемизмов состоит в том, что они способны скрывать, затушевывать, вуалировать явления, имеющие в общественном сознании заведомо негативную оценку. Эвфемизмы отвлекают внимание реципиента от объекта, способного вызвать антипатию. Способность эвфемизмов манипулировать реципиентом определяется тем, что эвфемизмы скрывают истинную сущность явления за счет создания нейтральной или положительной коннотации, а реципиент обычно не успевает вычленив эвфемизмы из контекста и осмыслить их из-за обычного в нашем социуме обилия информации или не в состоянии идентифицировать табуированный денотат. Ср. характерные для СМИ наименования типа *зачистка*, *чеченская кампания*, *превентивное вмешательство*, *защитная интервенция*, *либерализация цен*, *побочный ущерб* (так говорится о людях и материальных ценностях, которые не были прямой мишенью, но пострадали во время боевых действий). Ср. также обыгрывание политической эвфемизации применительно к иракской кампании с помощью оксюморонного сочетания *дружественный огонь* («Известия», 9 апреля 2003 г.).

К манипулятивным приемам С. Г. Кара-Мурза [там же] относит следующие действия: размывание и подмена понятий, применение «ложных имен» (к таковым он причисляет слово *либерализм*), манипуляции с числом и мерой. Особенно часто средством манипуляции становятся иноязычные слова, внутренняя форма которых представляется невинной реципиенту, а семантика и прагматика - чрезвычайно размытыми. Многими исследователями это расценивается как настоящая беда, свойственная русскому языку именно постперестроечных десятилетий. Ср.: «С помощью заимствований последнего времени, как и других слов-мифогенов, осуществляется манипуляция индивидуальным и общественным сознанием». К таким словам-мифогенам традиционно относят пресловутый *ваучер*, слова типа *рэкет*, *киллер* и даже *демократия*, *реформа*. Между тем, сходные мысли о негативной роли иноязычных слов высказывались и применительно к иным эпохам. Так, В. Жириновский (в телепередаче «Культурная революция» 10 декабря 2004 года) обвинял большевиков эпохи 1917 года в манипулировании народным сознанием: если бы большевики называли происходившие события русскими словами (*бунт*, *мятеж*), то народ не пошел бы за ними. А смысл звучного слова *революция* массам был неизвестен; если бы вместо слова *коммунизм* большевики говорили бы *община*, то этим словом они оттолкнули бы от себя тех, кто не желал жить общинной жизнью. Как бы экзотично ни выглядели эти рассуждения известного политика, они симптоматичны в качестве признания манипулятивной роли «чужого» (и чуждого) слова.

В орбиту манипулятивных техник вовлекаются и грамматические формы. Так, в рамках манипулятивных техник выделяют контакт, который имеет тенденцию сам себя поддерживать в силу положительного эмоционального, мотивационного или смыслового отношения к нему. И типичным примером экспликации такого контакта может служить числовая грамматическая форма местоимения первого лица *мы*, которая способствует тому, чтобы слушающий ясно осознавал: говорящий такой же, как он сам. Инклюзивное *мы* является маркером единения, выступает как идеологема единения, которую любят использовать политики всех рангов, ибо для них актуальна задача сплочения народа вокруг лидера. Исследователи нередко отмечают фантомность местоимения *мы* в политическом дискурсе, его расплывчатую семантизацию. Множественность интерпретаций, игра со значениями, которые ничего не обозначают, рождает неудовлетворенность и

потребность в постоянном определении и толковании. Фантомная языковая реальность неизбежно превращается в реальность политическую. Однако манипулятивное *мы* нередко вызывает отторжение, что зафиксировано в самом популярном жанре современного фольклора - в анекдотах:

Брежнев выступает перед рабочими на заводе:

- *В будущей пятилетке мы преодолеем трудности, и у нас будет все!*

Рабочий из зала:

- *А у нас?*

Ср. также:

Брежнев делает доклад на съезде:

- *А в будущей пятилетке мы будем жить еще лучше, - и ждет овец.*

Но в зале тишина. Тогда Брежнев повторяет:

- *А в будущей пятилетке мы будем жить еще лучше!*

Тогда из зала последовал вопрос:

- *А мы?*

(«История СССР в анекдотах. 1917-1992»).

Манипулятивным целям могут служить и именные формы числа. Помимо хорошо описанных плюральных форм в гиперболическом значении, это могут быть и некоторые другие значения. Так, в работе Ли Сон Ми выделяется особое значение множественного числа - «множественное сенсационное», которое, по наблюдениям автора, характерно для современных «бульварных СМИ». Ср. газетный заголовок: *Жители Подмосквья откапывают на своих огородах пушки и снаряды*, где осуществляется квазитипизация на основе мнимой денотативной множественности, то есть происходит заведомая подмена формальной грамматической множественности множественностью денотативной. Квазитипизация выполняет именно коммуникативную задачу создания газетной сенсации. При этом особенно популярны в такой роли бесподлежащие конструкции типа *Официантов бросают в тюрьму за обсчет посетителей*, которые позволяют «затемнить» если не числовое, то хотя бы предметно-референтное значение неназванного субъекта. Глагол используется, как правило, в форме несовершенного вида; часто это инфинитив несовершенного вида с фазисными или модальными глаголами типа *стать, начать, начинать, мочь*.

Глагол может не только вспомогательным, но и главным средством создания высказывания, используемого с манипулятивными целями. Так, грамматическая форма непрямого императива (первого лица множественного числа) со значением включения в сферу действия говорящего (*Давайте сделаем нашу Родину сильной... Не позволим агрессорам...*) считают специализированным знаком интеграции, маркером «своих» в политическом дискурсе. Такие призывы тоже называют инклюзивными, то есть подразумевающими включенность адресанта во множество адресатов (что достигается использованием императива в значении совместного действия).

Деперсонализация (рецессия субъекта) тоже может использоваться как средство манипуляции. Возможны различные способы деперсонализации, например - опущение агенса в пассивных конструкциях (*Принято решение, обращено внимание*). Такой прием используется для того, чтобы вызывать у адресата представление о действии не субъективным, а объективным. Помимо прямого устранения субъекта, возможна «ложная персонификация» при формальной репрезентации субъекта, когда заполненная синтаксическая позиция вовсе не представляла реального субъекта. Такая «ложная персонификация» была характерна для языка тоталитарной эпохи, который сегодня детально изучен и описан. Во многих работах (П. Серио, Ю. С. Степанова и др.) были проанализированы особые грамматические свойства «тоталитарного» дискурса. Это, прежде всего, массивная «номинализация», или «нагнетание» девербативов (исключающих акцентирование субъекта действия). Семантическим итогом бесчисленных номинализаций, то есть замены личных форм глаголов их производными на *-ание, -ение, -ация*, является рецессия субъекта, исчезновение агенса того, о чем говорится. Многие процессы приобретают безличную экзистенциальность, хотя и не сходную с той, которую имеет классическая безличность в русском языке.

Языковые механизмы, обслуживающие процессы естественно-языкового убеждения и речевого воздействия, сложились стихийно, ибо язык сам по себе в известной мере способствует искажению объективной действительности (отсюда «*Мысль изреченная есть ложь*» Ф. И. Тютчева), поскольку предлагает не только точные, но и неточные, нечеткие, размытые обозначения. Эвфемизмы (как и любые другие языковые единицы - заимствованные слова, отдельные грамматические формы и т.д.) сами по себе не предусматривают обязательного манипулирования. Так, эвфемизмы могут использоваться только как «смягченные» наименования и вовсе не подталкивать реципиента к мыслям и действиям, противоречащим его интересам. Однако возможно (и обычно) их употребление в манипулятивных целях, а значит - само использование перечисленных языковых единиц и грамматических форм должно привлечь пристальное внимание реципиента, желающего избежать манипулятивного воздействия.

Список использованной литературы

1. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. - М.: Флинта, 2003.
2. Вейнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987.

3. Девкин В. Д. О неродившихся немецких и русских словарях // Вопросы языкознания. – 2001. - № 1.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. - М.: Изд-во «Эксмо», 2006.
5. Ли Сон Ми. Позиционная обусловленность числовых значений русского существительного (граммема множественного числа): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 2002.
6. Рядчикова Е. Н. Речевое воздействие как вид манипуляции // Личность в пространстве языка и культуры. - Москва-Краснодар, 2006.
7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. - М., 1995.
8. Хазагеров Г. Г. Партия, власть и риторика. - М.: Европа, 2006.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ДНЕВНИКА

Богданова Е. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Григорьевой Г. Г. и д.ф.н., доц. Раевской М. М.

Произведения-дневники представляют собой уникальный жанр литературы. Своеобразие манеры повествования, присущее данному жанру, находит свое отражение на языковом уровне. Являясь разновидностью автобиографической прозы, дневники нацелены на выражение личности автора, его внутреннего мира. Композиционные особенности и основные жанровые характеристики дневника определяют подбор лексико-семантических, грамматических, синтаксических и стилистических средств и приемов, направленных на раскрытие образа автора-повествователя.

Жанр дневника в мировой литературе является одним из наиболее оригинальных с точки зрения композиции, формы повествования и языка. В отличие от так называемых «произведений традиционного жанра» (романы, баллады, поэмы, драмы и т.д.) жанр дневниковых записей не настолько распространен. Интерес к исследованию данного жанра обусловлен тем, что именно личные дневники считаются самыми откровенными, правдоподобными и искренними произведениями в литературе.

Прежде чем сосредоточиться на анализе языковых особенностей данного жанра необходимо дать дневнику четкое определение. Итак, «дневник - это литературно-бытовой жанр, в котором повествование ведется от первого лица в виде повседневных или периодических записей о событиях текущей жизни (личной, общественной, литературной)» [Скиргайло 2006: 149]. Дневники относят к так называемой «фактографической прозе», то есть прозе, для которой не характерен глубокий анализ и обобщение, а повествование сводится лишь к фиксации фактов.

По своей литературной форме дневниковая запись представляет собой «системный тип речи: повествование с элементами рассуждения, рассуждение с элементами описания, а также свободную форму записи» [там же: 150].

Дневник как литературное произведение в форме повседневных записей попал в литературный дискурс из реальной жизни. Прототипом художественных дневников послужили корабельные бортовые журналы, хроники военных кампаний, заметки о путешествиях. Коммуникативной доминантой во всех текстах подобного рода является автокоммуникация, которая предполагает периодичность записей. Этот фактор определяет характер средств, используемых в дневнике. Разнообразные в тематическом отношении записи образуют определенную последовательность, которая носит дискретный характер и отражается в смене дат. Запись «для себя» всегда связана со свободой выражения, отсюда имплицитная передача информации, интенсивное использование неполных предложений, эллипсов и сокращений. Ведение дневника, кроме того, предполагает пересечение двух сфер: сферы письменной речи и сферы внутренней речи. Их взаимодействие при художественной трансформации жанровой формы дневника приводит к усилению лирической экспрессии, появлению развернутого самоанализа.

Помимо упомянутых выше характеристик среди признаков дневника как жанра также выделяют:

1. Приуроченность каждой записи к определенной дате, соблюдение хронологии (указание дня, года, иногда - времени суток).

2. Отрывочность и краткость записей.

3. Зашифрованность или полное сокрытие имен и фамилий.

4. Преобладание собственно фактов, нежели их осмысления.

5. Категоричность и неаргументированность общих оценок.

6. Записи на основе первичных впечатлений, непроверенных предположений, слухов, мнений.

Эти элементы обеспечивают непринужденный выбор и расположение материала и позволяют создать иллюзию свободного выражения мыслей и впечатлений автора-повествователя. В этом отношении жанр дневника близок к эпистолярному.

7. Дневник монологичен, но монологическое слово автора может быть внутренне диалогичным (беседа с воображаемым собеседником).

8. Дневник не ретроспективен, он современен описываемым событиям, пишется для себя и не рассчитан на публичное восприятие.

9. Как литературная форма дневник открывает специфические возможности для изображения внутреннего мира персонажа, его личностных качеств и индивидуальности.